

Парадигмальный кризис российской юридической науки: утрата нормативного единства

Е. В. Сальников, В. А. Кузьменков

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
Российская Федерация, 302027, Орел, ул. Игнатова, 2

Для цитирования: Сальников, Евгений В., Владимир А. Кузьменков. 2022. «Парадигмальный кризис российской юридической науки: утрата нормативного единства». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 530–546. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.215>

В статье анализируется теоретико-методологический базис современной российской юриспруденции как частный случай теоретико-методологических основ гуманитарных наук. Предпринята попытка применения концепции парадигмы научного знания Т. Куна для исследования современного состояния юридической науки, норм и принципов научного сообщества юристов. Парадигма подразумевает теоретико-методологическое единство, задающее исследовательское пространство нормальной науки, включая предмет и объект исследования, специфику языка научного текста и общность методологической базы. Кризис в науке в первую очередь отражается в отсутствии у представителей научного сообщества отмеченного выше теоретико-методологического единства. Для подтверждения данной идеи авторы исследовали содержательную специфику формулировок объекта исследования и методологии научно-квалификационных работ по юридическим специальностям в 2019 г. и установили, что в большинстве диссертаций объект формулируется посредством выражения «общественные отношения». Оно заимствовано из теоретических оснований правовой науки советского периода, совершенно не связано с анализом классовых отношений и представляет собой потерявший смысл языковой штамп. Юридические диссертации имеют чрезмерную склонность к применению социологических опросов, проводимых на низком научном уровне. Также наблюдается ситуация «методологического хаоса» — отсутствия ядра собственно юридических методов, что ставит под сомнение специфику правовой науки. Авторы приходят к выводу о «кризисе воспроизводимости» результатов юридических исследований, а также о преобладающей тенденции редукции методологии к методике. Большинство диссертантов идут эмпирическим путем, основывая свои выводы не на априорных предпосылках, а на ситуативных опытных данных. В отечественной правовой науке происходят своего рода институционализация ненормативности и воспроизводство научной аномии, формируется негативная ценностно-нормативная конвенция, выступающая следствием общего парадигмального кризиса.

Ключевые слова: диссертация, методология, общественные отношения, объект, парадигма, юриспруденция.

1. Введение. Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологические принципы парадигмального подхода, предложенного в середине прошлого столетия Т. Куном, хотя и подвергались неоднократной критике, все же не утратили эвристического потенциала. Приложение концеп-

туальных идей Т. Куна к анализу истории и современного состояния науки вообще и ее отдельных отраслей в частности позволило существенно прояснить целый ряд аспектов. Речь идет прежде всего о продуктивной идее понимания развития науки через научное сообщество, концептуальное единство представителей которого определяет состояние науки. Наличие теоретико-методологической общности взглядов на исследование в целом задает период нормальной науки, а его отсутствие выступает свидетельством кризиса.

На наш взгляд, в значительно большей степени понятие научной парадигмы изучено на примере естественнонаучных отраслей знания, тогда как в области гуманитаристики этот аспект до сих пор широко и последовательно не рассмотрен. Так, в отечественной юридической науке, несмотря на значительную частоту употребления понятия «парадигма», существует сравнительно небольшое количество работ, направленных на исследование собственно парадигмы юридической науки. Отдельные моменты данной темы затрагивались в нескольких работах (Григорьев 2017; Синченко 2012; Утяшев 2016; Честнов 2012; Честнов 2016).

С точки зрения классической трактовки Т. Куна, парадигма представляет собой «признанные всеми научные достижения, которые в течение длительного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» (Кун 1977, 11), а также включают «закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, все в совокупности дают... модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» (Кун 1977, 28). Таким образом, парадигма подразумевает теоретико-методологическое единство, задающее исследовательское пространство нормальной науки, включая предмет и объект исследования, специфику языка научного текста и общность методологической базы, использование которой признается допустимым в рамках текста, притязающего на научность. В свою очередь, кризис в науке будет отражаться именно в отсутствии искомого парадигмального единства.

Определенной методологической проблемой изучения научных парадигм выступает вопрос о том, можно ли обнаружить и экспериментально зафиксировать эмпирически доступные феномены, анализ которых позволил бы говорить о наличии сложившейся единой парадигмы, ее отсутствии или конкуренции нескольких парадигм в период кризиса науки. Сам Т. Кун имел в виду фундаментальные работы, принимаемые и разделяемые научным сообществом (труды Птолемея для астрономии, Галена — для медицины и т. п.) либо в более позднюю эпоху — учебники, воспринимаемые в качестве классических канонов того или иного знания. Признаем, что в XXI в., в эпоху стремительного развития полиграфии и интернет-ресурсов, в области гуманитарных дисциплин подобные источники не могут выступать свидетельствами наличия или отсутствия парадигмального единства научного сообщества. Наукометрические показатели, прямо требующие экспоненциального роста публикаций, в том числе учебников и монографий, с одной стороны, и бюрократические требования к литературе, используемой в образовательном процессе — с другой, не позволяют воспринимать данные источники как адекватное выражение наличия или отсутствия теоретико-методологического и ценностно-мировоззренческого единства представителей научного сообщества.

В качестве альтернативного фактора в основу настоящего исследования положена идея о том, что показателем наличия или отсутствия парадигмального един-

ства в гуманитарной науке могут выступать научно-квалификационные работы, представленные на соискание ученых степеней. Мы исходили из того, что в силу вовлечения в диссертационное исследование значительного количества ученых на стадиях подготовки, представления к защите и последующей защиты в работах по необходимости должно быть отражено теоретико-методологическое единство или его отсутствие по меньшей мере на трех уровнях: 1) что мы исследуем, т. е. объект; 2) как мы исследуем, т. е. методологическая база; 3) как мы выражаем наше исследование и его результаты, т. е. язык исследования. Несомненным преимуществом именно научно-квалификационных работ является то, что классические требования, предъявляемые к ним, требуют ясной экспликации объекта и методологической базы исследования. Мы выдвигаем гипотезу, что отражение содержательных особенностей этих трех аспектов в содержании диссертационных исследований позволит сделать вывод не только о самой работе, но и, шире, о нормах научного юридического сообщества, допускающего к защите данные исследования, руководящего и консультирующего соискателей.

В связи с этим мы формулируем объект исследования как «парадигмальные основы юриспруденции», а предмет — как «парадигмальные особенности научно-квалификационных работ по юриспруденции в современной России». Цель работы состоит в выявлении парадигмальных особенностей научно-квалификационных работ по юриспруденции в современной России.

Представляя методологические основания предлагаемого в настоящей статье исследования, оговоримся, что мы не обращались к анализу языка научно-квалификационных работ по юриспруденции в силу изученности этой темы Г. Ч. Синченко и его соавторами, с чьими выводами мы в значительной мере солидаризуемся (Синченко 2016; Синченко 2017; Синченко, Воробьева 2019). Так, мы полностью разделяем мнение Г. Ч. Синченко о «дефинитивной экспансии» и «гипертерминологизации» юридических текстов. Мы считаем адекватной его оценку языка современной юридической науки, построенного во многом на анализе именно научно-квалификационных работ, как зачастую «коммуникативно некомпетентного» (Синченко 2017, 62). Однако при этом мы склонны видеть в отмечаемой слабости текстов юридической науки не столько «своеобразный лингвокогнитивный вектор, отклоняющий науку права в сторону квазинаучных форм» (Синченко 2017, 63), сколько выразитель отсутствия парадигмального единства в юридической науке. Ученый-юрист не потому объясняет в своей работе существительное «условие», что он, как считает Г. Ч. Синченко, не ученый или не знает, что оно означает, а потому, что в отсутствие единства языка юрист этим обращением к словарям и постоянными дефинициями пытается создать основания для того, чтобы быть понятым. Не вдаваясь в дальнейшую полемику по данному вопросу, ограничимся констатацией факта значительной неопределенности языка юридических исследований. Поэтому мы сосредоточимся на анализе формулировок объекта и изучении методологии в диссертационных работах по юриспруденции.

Нами проведено эмпирическое социологическое исследование диссертаций, представленных в 2019 г. к защите на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук по всем специальностям. Проанализированы 474 научно-квалификационные работы, из них 421 кандидатская и 53 докторских. Эмпирическая база — официальный сайт Всероссийской аттестационной комиссии при

Министерстве науки и высшего образования РФ¹. Для минимизации субъективности интерпретации использовалась квантификация данных авторефератов: в соответствии с разработанной авторами социологической методикой информация авторефератов вводилась в сводную базу данных при помощи установленных кодов или краткой информации. Например, наличие определенного метода обозначалось цифрой 1, отсутствие — цифрой 2; в случае наличия в диссертации социологического исследования приводились его подробные характеристики (объем выборки, категории опрошенных, дата опроса и пр.). Для ввода и анализа данных использовалась программа статистического анализа данных IBM SPSS Statistics версии 23.0. Все процентные распределения, приводимые ниже, имеют высокую степень статистической значимости (по критерию χ -квадрат Пирсона).

2. Основное исследование

2.1. Содержательная специфика объекта научно-квалификационных исследований по юриспруденции

Прежде всего зафиксируем непроясненность концептуального понимания юридической науки, что отражается во множественных неопределенностях и неясностях фундаментальных теоретико-методологических вопросов. Речь идет об объекте юридических исследований, ситуация с которым особенно показательна в научно-квалификационных работах.

В 333 диссертациях (70,25 % от общего числа рассмотренных) объект формулируется посредством выражения «общественные отношения». По некоторым специальностям процент таких работ доходит почти до 100 %: «финансовое право; налоговое право; бюджетное право» (95,7 %), «конституционное право; муниципальное право» (80 %), «уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» (75 %), «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» (72,6 %) и «административное право; административный процесс» (95 %). По всем остальным специальностям процент диссертаций составляет не менее половины, за исключением направления «криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» (27,8 %). Специальности 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.10, 12.00.13 не имеют десяти защит в 2019 г., а потому не учтены в данном анализе.

По данным нашего исследования, в кандидатских диссертациях общественные отношения являются объектом в 70,3 % работ, в докторских — в 69,8 %. Такие значения вроде бы позволяют говорить о том, что на уровне объекта существует некоторое парадигмальное единство российского научного юридического сообщества, выражающееся в направленности на изучение общественных отношений путем анализа непосредственного предмета — правовой нормы, в которой такие отношения отражаются².

¹ Всероссийская аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования РФ. Дата обращения 5 февраля, 2020. https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~.

² Здесь и далее, если не указано иное, сведения приводятся по результатам нашего исследования.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что общественные отношения как объект правовых исследований не являются банальной самоочевидностью, свойственной правовой науке с точки зрения любых ее представителей. Естественнo-правовая концепция юридической науки от Г. Гроция вплоть до школы возрожденного естественного права П. И. Новгородцева видела своим объектом вечную, универсальную идею права. Позитивизм со времени И. Бентама и Д. Остина полагал объектом юридической науки правовую норму как команду, а предметом — нормативный правовой акт. Неокантианская юридическая наука (Р. Штаммлер, Г. Радбрух, Э. Ласк и др.) настаивала на объекте как априорных формах, задающих возможность права. Общественные отношения не являются объектом правовой науки ни в феноменологическом, ни в герменевтическом подходах. Общественные отношения рассматриваются в качестве объекта правовой науки только в двух подходах: в марксистской парадигме юридической науки, сформировавшейся в СССР благодаря работам А. Я. Вышинского и ряда других теоретиков советского права 1920-х годов; в социологической юриспруденции, берущей начало в работах О. Эрлиха и последующих криминологических исследованиях. Таким образом, выявив в качестве доминирующей трактовки объекта общественные отношения, мы должны понять, что понимают под этим термином представители современной юридической науки и о приверженности к парадигмальным принципам какой юридической науки идет речь.

Начнем с первого подхода — диалектико-материалистической науки о праве, господствовавшей в советской юриспруденции на протяжении большей части XX в. В рамках данной научной парадигмы общественные отношения являлись объектом правовой науки, теория которой вскрывала закон отражения в праве как надстройке базиса классовых отношений. Именно в этом смысле были важны общественные отношения и именно в рамках диалектики базиса и надстройки они становились органичным компонентом научной юриспруденции. Советская правовая наука исходила из принципиального постулата о том, что юриспруденция может считаться наукой только в том случае, если она покидает пределы самой правовой нормы и раскрывает в праве внутреннюю логику исторического материализма. Анализ права должен был прежде всего выявить классовые отношения, механизмы эксплуатации, преодоление которых приводило бы в итоге к построению более справедливого общества, вплоть до коммунистического идеала, в котором право отомрет. Общественные отношения как предмет диалектико-материалистической правовой науки есть отношения классовые, отражающие исторически сложившийся баланс производительных сил и производственных отношений.

При этом мы ни в коем случае не полагаем марксистскую философию единственно возможным вариантом трактовки диалектики, но лишь указываем на то, что парадигма советской правовой науки сложилась в рамках марксизма, а в рамках иных подходов к диалектике ее приложение к праву либо не осуществлялось вообще, либо носило единичный характер. Поэтому, говоря о диалектике, мы подразумеваем именно советский подход к пониманию общественных отношений как объекта юридической науки.

Рассматривая с этих позиций современные научные исследования в области юриспруденции, мы вынуждены констатировать, что практически все они отошли от заявленной марксистской логики выявления в правовых феноменах классовых

антагонизмов и противоречий. Современное российское право больше не советское право, а потому логично предположить, что и теоретико-методологические принципы его исследования также должны измениться. Не обсуждая вопрос о том, насколько адекватен марксистский подход в понимании права, а также не вдаваясь в теоретическую полемику о том, будет ли «отказ от Маркса, его методологии — отрицанием передовых традиций опыта в научных исследованиях, где-то отрицанием и собственного опыта в сфере государственно-правовой материи» (Власенко 2019, 12), мы лишь обращаем внимание на то, что в современной российской юриспруденции работы в марксистской стилистике больше не пишутся. Ни одна из проанализированных выше научно-квалификационных работ 2019 г. не представляла собой диалектическое раскрытие правовой нормы по марксистским канонам демонстрации ее классового основания, порождения закона его противоречиями, объективно возникающими в определенном способе производства, в системе производственных отношений.

Анализ конкретных формулировок объекта исследований показывает отсутствие у авторов научно-квалификационных работ понимания самой внутренней логики марксизма, в которой право отражало общественные отношения исключительно в рамках диалектики базиса и надстройки. Оно воплощало в себе противостояние различных классов в системе общественных отношений и потому имело своим объектом эти же общественные отношения. В современной ситуации, когда диалектическая логика классовой борьбы больше не составляет основу правоупонимания, хотя бы на декларируемом юристами уровне, продолжение употребления прежнего объекта приводит к гротескным формулировкам, в которых вообще невозможно понять, о чем идет речь. Так, сложно представить, про какие общественные отношения идет речь в определении объекта исследования как «общественных отношений, складывающихся в процессе реализации запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения и выявления лиц, нарушающих данный запрет» (Баканов 2018, 6). Другие примеры: «общественные отношения, урегулированные нормами административного права, составляющие сферу контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел» (Никонова 2019, 5); «общественные отношения, связанные с правовым регулированием муниципальных услуг административными регламентами органов местного самоуправления» (Яхина 2019, 6); «общественные отношения, возникающие в деятельности по надзору за дорожным движением с использованием специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений» (Дымберов 2019, 6). Примеры можно продолжить, но в этом нет необходимости. В логике марксизма именно общественные отношения порождали муниципальное или административное право, а не выступали некими отношениями, связанными с правовым регулированием.

Проще говоря, общественные отношения, по советскому марксизму, отражают общественные потребности, а право, в свою очередь, отражает общественные отношения. Детерминация односторонняя: общественные потребности определяют общественные отношения, затем общественные отношения определяют право. Об этом, например, писал классик советского марксизма В. П. Тугаринов: «В общем политика и право суть сознательные выражения стихийно сложившихся социальных отношений. Поэтому они и не тождественны с последними, отстают от них в своем возникновении и развитии и имеют их в качестве своей ближайшей, не-

посредственной основы» (Тугаринов, 1988, 232). С точки зрения же современных диссертантов, право и общественные отношения идут в некой связке, они как бы неразрывно сцеплены, практически тождественны, как бы не могут существовать друг без друга.

Мы ни в коем случае не ставим под сомнение ни позицию самих диссертантов, ни авторитетное мнение их научных руководителей, обозначивших объект конкретного исследования именно таким образом. Мы видим в повсеместности этой «формулы» выражение отмеченной выше туманности и неопределенности понимания сути юридической науки. Есть все основания утверждать, что в данном случае речь идет не о приверженности ученых марксистской парадигме, а о стереотипности схемы «объект — складывающиеся в той или иной сфере общественные отношения, предмет — юридические нормы, которыми они урегулированы» (Синченко 2013, 165). Фиксация объекта в виде общественных отношений предстает просто типовой фразой, самым легковесным элементом всей логико-теоретической части диссертационного исследования. Все «знают», что объектом юридического исследования будут общественные отношения, но никто не задумывается, а что же они такое в ситуации отказа от марксизма. Редкие и слабые попытки осмыслить сложившееся положение дел либо приводят к постулированию мало что проясняющей синонимии в стиле «объектом правовой науки выступает правовая жизнь общества» (Осипов, Богородицкий 2017, 90), либо имеют своим следствием непомерное расширение юриспруденции, выдавание за юридические исследования откровенно социологических или исторических работ.

Теперь обратимся к социологическому подходу, обозначенному выше. Придирчивый критик может предположить, что, позиционируя объект как общественные отношения, ученый имеет в виду не столько марксистскую, сколько социологическую парадигму в стиле О. Эрлиха, когда именно понимание права через специфику общества будет задавать принципы научности юриспруденции. Косвенным образом это подтверждается достаточно весомым количеством социологических исследований, приводимых в диссертациях. Согласно нашим данным, социологические опросы и анкетирования в той или иной мере применялись в 114 (27,1 %) кандидатских и в 13 (24,5 %) докторских диссертациях. Всего в 26,8 % работ заявлены социологические опросы. Наибольшее пристрастие к ним имеют юристы, защищавшиеся по специальностям «уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» (44,4 %), «уголовный процесс» (40 %), «судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» (64,7 %) и «криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» (94,4 %) (учтены специальности, по которым было более десяти защит).

Мы признаем, что социологическая парадигма юридической науки отнюдь не ограничивает изучение общественных отношений исключительно методом массовых опросов, и вполне допускаем интервьюирование, экспертные оценки и иные социологические методы. В изученных диссертациях заявлено использование методов анкетирования, интервьюирования, контент-анализа, экспертного опроса и экспертных оценок. При этом имеется даже сегмент трудных для понимания работ, в которых соискатели ученой степени называли общественные отношения предметом своих исследований без обращения как к диалектике, так и к социологическим методам.

Анализ тех 127 диссертаций, авторы которых заявляли проведение социологических опросов, показывает печальную ситуацию. В большинстве работ выборка составлена с нарушением научных норм.

Во-первых, численность респондентов, видимо, определяется произвольно, без всякого обоснования фигурируют значения от 55 до 1305 опрошенных. По правилам статистики объем выборки устанавливается как минимум исходя из размера генеральной совокупности и приемлемой статистической ошибки выборки, однако критерии, которыми руководствовались авторы исследований, неизвестны.

Во-вторых, отсутствует дифференцирование категорий опрошенных и в целом обоснование их выбора. Во многих диссертациях они определены очень неясно. Примечателен следующий фрагмент:

Эмпирическую базу исследования составили... результаты анкетирования, экспертных оценок 150 сотрудников практических органов внутренних дел России из различных субъектов РФ (следователей, дознавателей, участковых уполномоченных полиции, сотрудников ППС, дежурных частей ОВД) по проблемам профилактики преступности; 125 родителей, других законных представителей обучающихся школ районов Санкт-Петербурга, 120 обучающихся средних, старших классов школ районов г. Москвы в качестве респондентов по вопросам профилактики преступлений; 120 граждан, проживающих в Санкт-Петербурге на территориях, приближенных к железнодорожным станциям, по мерам профилактики рискованного поведения на транспорте; 152 человека, ранее судимых и освободившихся из мест лишения свободы (в том числе чьи деяния признаны особо опасным рецидивом), проживающих в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, по вопросу эффективности ресоциализации (Яковлева 2019, 7).

Возникают вопросы, что же именно изучается в диссертации и что общего у сотрудников полиции разных подразделений, родителей школьников Москвы и школьников Санкт-Петербурга, жителей домов вблизи железнодорожных станций и бывших заключенных; непонятен также метод — они анкетировались как респонденты или опрашивались как эксперты? В другом месте приводятся «результаты опроса 96 нотариусов, их стажеров и помощников, а также 85 научно-педагогических работников, занятых в области исследования и преподавания по вопросам гражданского и гражданско-процессуального права, арбитражного процесса, а также курса нотариата или адвокатуры и нотариата» (Ушакова 2019, 6). И еще: «По ряду актуальных вопросов проведено анкетирование 229 респондентов (12 судей, 74 прокурора, помощников прокуроров и их заместителей, 81 следователь, 29 дознавателей и 48 адвокатов)» (Кунов 2019, 10).

Во всех этих работах совершенно очевидно произвольное смешение в единое целое совершенно разных по своим правовым, социальным и культурным характеристикам категорий респондентов. Непонятны методы и методики исследования. Естественно, что результаты таких опросов (их примеров немало, мы приводим лишь некоторые случаи) не могут быть репрезентативными.

Подробное описание социологического исследования (тип выборки, ее статистическая ошибка, методика отбора респондентов или «единиц анализа» в контент-анализе и пр.) отсутствует практически везде, что не позволяет говорить о выполнении всех научных требований. При этом смысл «социологических ис-

следований», как правило, направлен либо на выявление проблемного аспекта правоприменения, либо на подтверждение адекватности предлагаемых соискателем мер по совершенствованию законодательства. Первый вариант пытается, по всей видимости, замаскировать неумение авторов выделить сущность изучаемой проблемы и *легитимировать выбранную тему исследования*, а по сути, символизирует слабость теоретического инструментария, т. е. недоразвитость научного мышления. Второй вариант — это подведение квазиэмпирической базы под выводы диссертации, попытка подкрепить собственные размышления содержанием общественного мнения, т. е. опять же неким образом *легитимировать* их. Однако если в грамотном социологическом (психологическом, криминологическом и т. д.) исследовании есть единство теории и эмпирии, то здесь его явно не наблюдается. К этому мы вернемся ниже.

Ни в одном случае социологический анализ не достиг уровня использования современных автоматизированных систем обработки статистических данных (SPSS, Stata и т. д.). В результате исследование «зависало» между социологией и юриспруденцией. Ни разу не дается точного ответа на вопрос, как проведенное прикладное исследование и внесенное предложение по совершенствованию законодательства доказывают факт наличия перед нами ученого-юриста.

Еще более расплывчатая картина наблюдается в части иной эмпирической базы научного исследования, тесно связанной с объектом, его пониманием. Согласно текстам авторефератов, в качестве эмпирической базы исследований чаще всего называются материалы судебной практики (53,38 %), статистические материалы (32,91 %), зарубежные нормативно-правовые документы (30,59 %), законопроекты (29,11 %), материалы правоприменительной практики (25,74 %), доклады официальных лиц (17,93 %) и др.

Неясно, как при такой эмпирической базе может быть реализовано исследование в рамках как марксистской, так и социологической парадигмы. В сравнении указываемых эмпирических источников и объекта исследования со всей очевидностью обнаруживается их несоответствие. Каким образом ученый, пусть даже и начинающий, исследует общественные отношения, если его эмпирической базой являются материалы судебной практики и нормативно-правовые документы? Невозможно иметь объектом исследования общественные отношения, если логика большинства научно-квалификационных работ выстроена исключительно по позитивистскому канону: 1) проводим соцпрос и/или смотрим статистику/судебную практику; 2) выявляем проблему; 3) предлагаем пути ее решения; 4) формируем диссертацию. В этом случае все исследование начинается с правовой нормы и ею же ограничивается. Когда же общественные отношения выступают подлинным объектом, п. 2 должен стоять первым, однако анализ демонстрирует обратное.

В конечном счете наше исследование позволяет заключить, что за внешне благоприятной ситуацией на уровне объекта как «общественных отношений» на деле скрывается хаотическая ситуация. Единства в понимании того, что исследовать, у ученых-юристов не наблюдается. Это дает возможность сделать вывод об отсутствии парадигмальной основы в правовой науке.

2.2. Методология научно-квалификационных работ по юриспруденции

Не менее тревожная ситуация складывается в области методологии научно-квалификационных работ, а ведь именно этот раздел символизирует успешность кооптации молодого ученого и свидетельствует о понимании теоретико-методологических основ той области знания, в которой проводится исследование. Как пронизательно замечал еще в XIX в. О. Эрлих, «первым шагом каждого исследования является нахождение соответствующего предмету метода исследования» (Эрлих 2011, 69). Без самостоятельного метода не может быть самостоятельной науки, а без некоего единства методов невозможно говорить о парадигмальном единстве в научном сообществе.

Однако в современной отечественной юридической науке наблюдается прямо противоположная ситуация. Частотный анализ методологической базы, изложенной в авторефератах, показывает фактическое отсутствие методологического ядра, что выражается в использовании 110 различных «методов», при этом 83 из числа перечисленных используются менее чем в 5 % работ. Встречаются совершенно невероятные наименования: метод «выдвижения и проверки гипотез», «грамматический», «деятельностный подход», «интеграции и дифференциации», «когнитивно-информационный», «конкретно-точечный», «контекстный», «общефилософский метод», «программно-целевой», «социально-правовой», «статико-математический», «хроно-дискретный», «цивилизационно-культурный». Трудно сказать, что авторы подразумевали под этими конструкциями.

Максимальное число методов (в рамках одной диссертации) встречается в работах по теории и истории государства и права (24 метода) и конституционному и муниципальному праву (22 метода), во всех остальных специальностях максимальное число методов колеблется от 9 до 15. Среднее же число методов по специальностям — от 6 до 9. Проанализируем 27 «самых популярных» методов, которые встречаются в более чем 70 % диссертаций. К собственно юридическим относятся только историко-правовой (историко-юридический) (34,6 %), метод правового моделирования (10,55 %) и формально-юридический (47,26 %), т. е., по сути, вся заявленная методология, независимо от фактического содержания диссертации, полностью заимствована из других наук (социологии, истории, философии и др.) или опирается на общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, аналогии и пр. Кроме того, при единстве парадигмы мы должны были бы наблюдать соответствие метода объекту, т. е. в диссертациях должен использоваться диалектический подход. При этом он заявлен в 55,1 % случаев, что на 15 % меньше, чем число исследователей, установивших в качестве объекта своей работы общественные отношения. «Социологический метод» (без какой-либо спецификации) упомянут в 16,7 % работ (при том, что прикладные социологические исследования заявлены, напомним, в 26,8 % диссертаций). Пристальный анализ диалектического метода позволяет обнаружить интересный факт. Практически никто из диссертантов не понимал под диалектическим методом марксистскую диалектику производительных сил и производственных отношений, методологию, основанную на отражении базиса в надстройке. Под диалектикой обычно имеют в виду системный подход или исторический анализ, т. е. подменяют один метод другим.

Подчеркнем еще раз: мы ни в коем случае не полагаем диалектику только в рамках марксистской интерпретации. Альтернативное понимание диалектики от даосов и Сократа до негативной диалектики Т. Адорно и экзистенциальной диалектики вполне возможно. Проблема заключается в ином: из работ невозможно эксплицировать, что, собственно, представляет собой используемая авторами диалектическая методология. О классическом историческом материализме в современных работах по праву речь уже не идет. В большинстве случаев налицо вульгарная диалектика, где она выступает, по сути, указанием на системный характер изучаемого явления, на наличие взаимосвязей его элементов. Обращение к истории не становится тем приемом, который позволит сущности диалектически проявить себя в саморазвитии, воплотившись в частности исторического события. Напротив, мы видим историю ради истории, некую хронологию, в которой диалектические взаимосвязи, в идеале предназначенные вскрывать объективную диалектику производительных и производственных отношений, отсутствуют как таковые.

Интерес вызывает сравнительно-правовой метод, упомянутый в 71,31 % работ. Столь явная приверженность компаративистской методологии могла бы свидетельствовать о чем-то значимом, если бы не то обстоятельство, что зарубежная нормативно-правовая база использовалась исследователями только в 30,59 % работ. Что и с чем сравнивали в остальных диссертациях, остается неясным.

В конечном счете методологическая база свидетельствует о наличии единства соискателей в использовании многообразных методов формально-логического анализа, что говорит о приверженности позитивистскому подходу, для которого и характерен приоритет формально-логических методов. Однако эта парадигма совершенно не совместима с заявленным теоретическим основанием на уровне объекта и эмпирической базы. Более того, в тексте работ позитивистская методология и позитивистские принципы вообще упоминаются редко и как бы исподволь.

Отметим также, что де-факто отсутствуют неокантианская, феноменологическая и герменевтическая парадигмы, хотя две последние номинально отмечены в некоторых авторефератах. О последней если и упоминают, то только в рамках герменевтики как метода формально-логического толкования казуса в свете нормы, т.е., по сути, в позитивистском ключе. О каком-либо понимании права как текста, герменевтическом круге, горизонте предпонимания права, т.е. собственно о герменевтике права, речь не идет.

К «методологической всеядности» в большей мере склонны представители уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права (108 разных «методов»), теории и истории права и государства (83 разных «метода»), гражданского права (73 «метода»). По 40 «методов» у конституционалистов/муниципалистов и административистов, 35 «методов» встречается в уголовном процессе. Именно эти отрасли права можно назвать ключевыми во всех смыслах.

При выявленной выше методологической «всеядности» возникает вполне обоснованный вопрос о том, какова методологическая специфика юриспруденции, задающая ее сущностное отличие от иных наук. Ведь именно наличие особых методов позволяет области знания претендовать на научный статус. В исследованных научно-квалификационных работах исключительно юридических методов совсем мало. К ним можно, пожалуй, отнести историко-юридический и формально-юридический методы, тогда как правовое моделирование и сравнительно-правовой метод

опираются скорее на общенаучные знания. Однако удельный вес их невелик. Вкупе с грубыми нарушениями способов сбора и анализа информации это приводит, на наш взгляд, к принципиальной несравнимости и неповторимости результатов юридических исследований, поскольку общие методология, объект, предмет, цель и задачи работы должны приводить к более или менее сопоставимым выводам. Само по себе это может стать вопросом отдельного изучения. Есть все основания говорить о «кризисе воспроизводимости», под которым мы понимаем ситуацию, когда значительный объем исследований невозможно повторить и получить аналогичные результаты по описанной авторами методике.

Избираемый в большинстве научно-квалификационных работ по юриспруденции путь означает *редукцию методологии к методике*. Однако не метод должен быть основан на эмпирическом знании, как в большинстве изученных нами авторефератов, а эмпирическое знание должно быть «включено в состав» метода, подчинено ему. Метод определяет выбор эмпирического знания, а у диссертантов, наоборот, эмпирическое знание фундирует так называемую методологию. В итоге даже формально применяемые методы не могут дать подлинного знания и картина реальности получается искаженной.

Можно было бы считать подобное положение дел простой неудачей молодых соискателей, если бы не тревожные заявления видных представителей юридической науки о том, что она планомерно «оказалась в ситуации методологической неопределенности» (Чернавин 2019, 76) и «пребывает в своего рода растерянности» (Лазарев 2019, 17) в силу необходимости «развития методологии юридической науки, ее обогащения познавательными средствами» (Хабриева, Черногор 2018, 101), что крайне затрудняет современная ситуация, когда «старшее поколение правоведов, “сбросив оковы”, создает свои методологию и понятие права, по сути, мало что предлагая, а если и предлагает, то вещи далеко не бесспорные. Новое поколение “само изобретает” методологические основы либо слепо цитирует “передовые” методологические приемы и их комплексы. <...> В итоге современное отечественное правоведение бурно “цветет” предложениями по совершенствованию методологического инструментария по известному принципу “пересекайте границу, засыпайте рвы”» (Власенко 2019, 7–8). Как обоснованно замечает в связи с этим О. В. Мартышин, «плюрализм хорош, когда он опирается на солидные культурные традиции, сочетается с серьезной борьбой идей, полемикой... если же этого нет, свобода мысли оборачивается разнузданностью, всеядностью и вседозволенностью, что ведет к падению культуры исследования» (цит. по: Чернавин 2019, 76). В нашем случае заявленный инструментарий накладывается с разной степенью умения и одаренности на крайне невнятное понимание того, что собственно является объектом юридического исследования, какова методологическая парадигма, раскрывающая отдельный аспект данного объекта, представленный как предмет, и, наконец, каковы характеристики текста, позволяющие признать ту или иную систему взглядов научной.

3. Выводы

Некоторые наши выводы, безусловно, могут показаться чрезмерно обобщенными, а некоторым авторам проанализированных диссертаций даже не вполне справедливыми. Мы уверены в наличии грамотно проведенных исследований, однако

в общем массиве они неизбежно теряются, поэтому мы говорим о средней тенденции. Нашей задачей была не оценка качества научно-квалификационных работ по юриспруденции, а изучение наличия или отсутствия парадигмального единства научного сообщества отечественных юристов на основе данной эмпирической базы.

Проведенное эмпирическое исследование показывает отсутствие искомого парадигмального единства научного сообщества юристов России. Нет ясного и четкого определения того, что исследуется, как исследуется, в чем выражается и, соответственно, что в итоге познается; просто ли выдается очередная трактовка правовой нормы, или формулируется предложение по совершенствованию законодательства в стиле позитивизма, или же вскрываются классовый механизм права, общественные отношения, стоящие за ним.

Теоретико-методологические принципы, которые призваны задавать содержательное единство научного сообщества, не рефлексированы в должной мере, а бессознательно ретранслируются в условиях отсутствия понимания их внутреннего содержания. Речь идет об упоминании диалектического материализма или диалектики, общественных отношений как объекта юридических исследований и прочего без раскрытия того, что под этим понимается. Главное же состоит в том, что современный ученый-юрист так и не может понять, чем же он отличается от практикующего юриста, что различает юриспруденцию как практику и юриспруденцию как науку, и, следовательно, чем он должен заниматься. В этом смысле гипотеза о парадигмальном кризисе современной отечественной юридической науки, выражающемся в утрате теоретико-методологического единства, подтверждается нашим исследованием в полной мере.

Однако фиксация кризиса не может быть самоцелью. Фиксируемая утрата теоретико-методологического единства тесно взаимосвязана с потерей нормативно-ценностных ориентиров научного сообщества. В ситуации отсутствия парадигмального единства большинство диссертантов в процессе проведения исследования руководствуются не априорными принципами порождения знания, как раз и задаваемыми парадигмой, принятой научным сообществом, априорно воспринимаемым образцом решения головоломок, а эмпирическим опытом, из которого они пытаются вывести всеобщность. И. Кант (хотя и говоря об этике) порицает данную попытку как ложную: «Было бы явным противоречием пытаться выжать из основанного на опыте суждения необходимость (*ex rursus aquam*), а вместе с ней придать этому суждению истинную всеобщность (без которой нет умозаключения, стало быть, и вывода по аналогии, которая представляет собой по крайней мере предполагаемую всеобщность и объективную необходимость и, следовательно, всегда имеет их предпосылкой)» (Кант 1965, 323). Когда диссертанты отталкиваются от статистических отчетов, данных социологических исследований, выступлений официальных лиц и т. п., они совершают своего рода комплексную онтологическую и гносеологическую ошибку, позиционируя свои выводы не на знании о бытии, а на мнении о бытии (выражаясь языком античной философии). Эта инверсия норм в длительной перспективе способна иметь катастрофические последствия.

Ярким воплощением парадигмального кризиса юриспруденции выступает мировоззренческая трансформация нормативно-ценностных основ научного сообщества, когда научные нормы (формулирование проблемы, четкая методология, определение объекта и предмета исследования и пр.) существуют по большей части

формально и отклонение от них не только не карается, но и даже поощряется: авторы низкокачественных диссертаций получают ученые степени и входят в науку, их руководители также получают бонусы. Разворачивается процесс денормативизации, воплощающийся в ритуализации процесса создания научно-квалификационной работы и процедуры ее защиты на соискание ученой степени. Происходят своего рода институционализация ненормативности и воспроизводство научной аномии. Согласие по поводу ненормативных методов получения благ позволяет говорить о негативной ценностно-нормативной конвенции, выступающей следствием парадигмального кризиса современной российской юриспруденции.

Констатация парадигмального кризиса юриспруденции не может выступать самостоятельным итогом исследования, однако рассуждения о путях выхода из сложившейся ситуации представляют собой предмет отдельного исследования и превышают рамки данной статьи.

Мы искренне убеждены в том, что преодоление парадигмального кризиса диктуется не столько теоретическими или эстетическими взглядами ученых, сколько объективной логикой развития юридической науки. Разрушение советского государства и первые годы становления российского права вполне закономерно породили кризисное многообразие в правовой науке. Однако дальнейшее развитие общества объективно породило потребность преодоления кризиса. Эти тенденции мы наблюдаем в настоящее время. Обратим внимание на разработку проекта нового Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая возродила дискуссию о сущности административного правонарушения; на развитие уголовного права, которое ставит вопрос о сущностных характеристиках преступления, его формальной или материальной природе; не следует забывать про конституционную реформу 2020 г., изменившую соотношение национального и международного права и многое другое. Разрешение фундаментальных проблем права неминуемо приведет к формированию доминирующих позиций, одна из которых станет господствующей парадигмой. Ее возникновение невозможно без повышения требований к профессиональной и научной квалификации диссертантов (в этом смысле проводимая в настоящее время реформа аспирантуры может дать свои результаты), в целом развития правовой грамотности граждан и формирования общественного запроса на правовое общество. Смысловое ядро парадигмы — это ценности, мировоззрение ученых; таким образом, преодоление кризиса есть аксиологическая задача. Однако как она будет решена, зависит от самого юридического сообщества.

Библиография

- Баканов, Кирилл С. 2018. «Административно-правовой запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
- Власенко, Николай А. 2019. «Методологические проблемы современной теории права». *Журнал российского права* 4: 5–19.
- Григорьев, Виктор Н. 2017. «Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса». *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел РФ* 2 (42): 38–46.
- Дымберов, Александр Д. 2019. «Правовое регулирование применения специальных технических средств автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожно-

- го движения (сравнительно-правовое исследование)». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
- Кант, Иммануил. 1965. *Критика практического разума: Сочинения*. В 6 томах. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль.
- Кун, Томас. 1977. *Структура научных революций*. М.: Прогресс.
- Кунов, Ислам М. 2019. «Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Ульяновский государственный университет.
- Лазарев, Валерий В. 2019. «К вопросу о рисках юридической науки». *Журнал российского права* 3: 5–21.
- Никонова, Юлия Ш. 2019. «Административно-процессуальное регулирование государственного контроля (надзора) в сфере внутренних дел». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Уральский государственный юридический университет.
- Осипов, Михаил Ю., Игорь Б. Богородицкий. 2017. «К вопросу о соотношении теории государства и права и социологии права». *Современные проблемы права, экономики и управления* 2: 81–94.
- Синченко, Георгий Ч. 2012. «Парадигма коммуникативной рациональности и дефинитивный максимализм юриспруденции». *Научный вестник Омской академии МВД России* 1 (44): 48–52.
- Синченко, Георгий Ч. 2013. *Логика диссертации*. М.: Форум; ИНФРА-М.
- Синченко, Георгий Ч. 2016. «Язык права. Статья I. Призрак многослойности». *Научный вестник Омской академии МВД России* 4 (63): 63–70.
- Синченко, Георгий Ч. 2017. «Язык права. Статья II. Терминологический ажиотаж». *Научный вестник Омской академии МВД России* 1 (64): 57–64.
- Синченко, Георгий Ч., Елена Ю. Воробьева. 2019. «Язык права. Статья III. Магия словарей». *Научный вестник Омской академии МВД России* 1 (72): 63–73.
- Тугаринов, Виктор П. 1988. *Соотношение категорий исторического материализма: избранные философские труды*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Утяшев, Марат М. 2016. «О необходимости смены правовых парадигм!» *Доклады Башкирского университета* 1 (2): 472–477.
- Ушакова, Елена Ю. 2019. «Правовые и организационные аспекты подготовки и повышения квалификации нотариусов как условия получения и реализации их правового статуса». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ.
- Хабриева, Талия Я., Николай Н. Черногор. 2018. «Право в условиях цифровой реальности». *Журнал российского права* 1: 85–102.
- Чернавин, Юрий А. 2019. «Философия права и теория права: проблема взаимоотношения». *Философия права* 1: 72–80.
- Честнов, Илья Л. 2012. «Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция?» *Правоведение* 5 (304): 9–27.
- Честнов, Илья Л. 2016. «Конструктивистская парадигма в юриспруденции». *Правоведение* 2 (325): 62–93.
- Эрлих, Ойген. 2011. *Основоположение социологии права*. СПб.: Университетский издательский консорциум.
- Яковлева, Маргарита А. 2019. «Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ.
- Яхина, Ольга В. 2019. «Административные регламенты предоставления муниципальных услуг: вопросы теории и практики». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2020 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Сальников Евгений Вячеславович — д-р филос. наук, доц.; esalnikov2005@yandex.ru
Кузьменков Владимир Александрович — канд. филос. наук; vakuzmenkov@gmail.com

Paradigm crisis of modern Russian juridical science: Loss of normative unity

E. V. Salnikov, V. A. Kuzmenkov

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov,
2, ul. Ignatova, Orel, 302027, Russian Federation

For citation: Salnikov, Evgeny V., Vladimir A. Kuzmenkov. 2022. "Paradigm crisis of modern Russian juridical science: Loss of normative unity". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 530–546. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.215> (In Russian)

In this article the authors analyze the theoretical and methodological bases of modern Russian juridical science as a part of study theoretical principles of humanities as science. The article presents an attempt to apply the concept of T. Kuhn's scientific paradigm to the study of the current state of juridical science, norms, and principles of the scientific community of scholars in law. The crisis in science is primarily reflected in the absence of the above-mentioned theoretical and methodological unity at the scientific community. To confirm this idea, the authors studied the content of objects of research and the methodology of graduate thesis in law in 2019. Based on the results of their own research, the authors found that in most graduate theses, the object is formulated using the expression "social relations". It is borrowed from the theoretical foundations of juridical science of the Soviet period and is completely unrelated to the analysis of class relations, representing a stable and meaningless language stamp. Graduate theses in law have an excessive tendency to use sociological surveys conducted at a low scientific level. There is also a situation of "methodological chaos" — the absence of a core of proper juridical methods, which calls into question the specifics of juridical science. The authors come to the conclusion about the "crisis of reproducibility" of the results of juridical research, as well as the prevailing trend of reducing the methodology to the methodics. Most scholars in their graduate thesis follow an empirical path, basing their conclusions not on a priori paradigmatic assumptions, but on situational experimental data. A negative consequence of the paradigm crisis of modern Russian juridical science is the institutionalization of non-normativity and the process of reproduction of scientific anomie. A negative value-normative convention is being formed in the paradigm crisis.

Keywords: dissertation, methodology, social relationship, object, paradigm, jurisprudence.

References

- Bakanov, Kirill S. 2018. "Administrative and legal ban on driving in a state of intoxication". PhD abstract, Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ia. Kikotia. (In Russian)
- Chestnov, Il'ia L. 2012. "Does post-classical jurisprudence have a right to exist?" *Pravovedenie* 5 (304): 9–27. (In Russian)
- Chestnov, Il'ia L. 2016. "Constructivist paradigm in jurisprudence". *Pravovedenie* 2 (325): 62–93. (In Russian)
- Chernavin, Iurii A. 2019. "Philosophy of law and theory of law: The problem of relationship". *Filosofia prava* 1: 72–80. (In Russian)
- Dymberov, Aleksandr D. 2019. "Legal regulation of the use of special technical means of automatic recording of administrative offenses in the field of road traffic (comparative legal study)". PhD abstract, Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ia. Kikotia. (In Russian)
- Erlikh, Eugen. 2011. *Foundations of the sociology of law*. St Petersburg, Universitetskii izdatel'skii konsortium Publ. (In Russian)
- Grigor'ev, Viktor N. 2017. "Results of the paradigm shift in the research of criminal procedure". *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del RF* 2 (42): 38–46. (In Russian)

- Iakhina, Ol'ga V. 2019. "Administrative regulations for the provision of municipal services: Theory and practice". PhD abstract, Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet. (In Russian)
- Iakovleva, Margarita A. 2019. "Internal affairs bodies as one of the subjects in the crime prevention system". PhD abstract, Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del RF. (In Russian)
- Kant, Immanuel. 1965. *Critique of Practical Reason: Essays*. In 6 vols. Vol. 4, part 1. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Khabrieva, Taliia Ia., Nikolai N. Chernogor. 2018. "Law in digital reality". *Zhurnal rossiiskogo prava* 1: 85–102. (In Russian)
- Kuhn, Thomas. 1977. *The structure of scientific revolutions*. Rus. ed. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Kunov, Islam M. 2019. "Procedural powers of the prosecutor to ensure the legality of the suspension of a criminal case". PhD abstract, Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Lazarev, Valerii V. 2019. "To the question of the risks of legal science". *Zhurnal rossiiskogo prava* 3: 5–21. (In Russian)
- Nikonova, Iuliia Sh. 2019. "Administrative and procedural regulation of state control (supervision) in the field of internal affairs". PhD abstract, Ural'skii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet. (In Russian)
- Osipov, Mikhail Iu., Igor' B. Bogoroditskii. 2017. "To the question of the relationship between the theory of state and law and the sociology of law". *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniia* 2: 81–94. (In Russian)
- Sinchenko, Georgii Ch. 2012. "The paradigm of communicative rationality and the definitive maximalism of jurisprudence". *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* 1 (44): 48–52. (In Russian)
- Sinchenko, Georgii Ch. 2013. Thesis logic. Moscow, Forum Publ.; INFRA-M Publ. (In Russian)
- Sinchenko, Georgii Ch. 2016. "The language of law. Article I. Ghost of multilayeredness". *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* 4 (63): 63–70. (In Russian)
- Sinchenko, Georgii Ch. 2017. "The language of law. Article II. Agitation for Terminology". *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* 1 (64): 57–64. (In Russian)
- Sinchenko, Georgii Ch., Elena Iu. Vorobeva. 2019. "The language of law. Article III. The magic of dictionaries". *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* 1 (72): 63–73. (In Russian)
- Tugarinov, Viktor P. 1988. *Correlation of the category of historical materialism: Selected works in philosophy*. Leningrad, Leningradskii universitet Publ. (In Russian)
- Ushakova, Elena Iu. 2019. "Legal and organizational aspects of training and advanced training of notaries as a condition for obtaining and implementing their legal status". PhD abstract, Rostovskii iuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. (In Russian)
- Utiashv, Marat M. 2016. "About the need to change legal paradigms!" *Doklady Bashkirskogo universiteta* 1 (2): 472–477. (In Russian)
- Vlasenko, Nikolai A. 2019. "Methodological problems of modern theory of law". *Zhurnal rossiiskogo prava* 4: 5–19. (In Russian)

Received: October 27, 2020

Accepted: March 15, 2022

Authors' information:

Evgeny V. Salnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; esalnikov2005@yandex.ru

Vladimir A. Kuzmenkov — PhD in Philosophy; vakuzmenkov@gmail.com